

К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х томах. Том 1.
//Художественной литературы, Москва, 1988
FB2: Vitmaier, 2008-05-07, version 1.0
UUID: 162f1845-7fac-102b-9c90-12cbc7843eac
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Блестящий капитан
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0009
III.....	.0015
IV.....	.0017
V.....	.0023
VI.....	.0029

**Константин Михайлович
Станюкович
БЛЕСТЯЩИЙ КАПИТАН**

Был девятый час сентябрьского утра. Тулонский рейд точно млея в мертвом штиле. Солнце еще не томило жгучими лучами.

Капитан «Витязя», стоявшего рядом с флагманским кораблем французской эскадры, только что принял обычные утренние рапорты и, оставшись на мостике, радостно, почти что влюбленно любовался своим красавцем корветом, с изящными линиями обводов, стройным, с высоким рангоутом, белоснежною трубой и сверкавшею белизной палубой.

Капитан-лейтенант Ракитин, молодой моряк, впервые назначенный командиром, еще переживал медовые месяцы власти и командования одним из лучших судов балтийского флота и щеголял безукоризненным порядком, умопомрачительной чистотой «Витязя» и «идеальной» быстротой работ на нем.

И «Витязь» приводил в восторг даже иностранных моряков.

То было время обновления и во флоте. Только что были отменены телесные наказа-

ния. Капитан умел и без жестокости властвовать командой, и его «молодцы», как он называл матросов, рвались на работах изо всех сил, рискуя из-за «идеальной» быстроты на учениях увечьями и даже жизнью ради самолюбивого щегольства и желания отличиться блестящего капитана. И он был доволен «молодцами». Они не осрамят «Витязя».

Щеголевато одетый, весь в белом, стройный и хорошо сложенный блондин лет под тридцать, красивый, с самоуверенным лицом, с шелковистыми светло-русыми усами и бакенбардами, Ракитин взял бинокль и смотрел на флагманский французский корабль. И торжествующая победоносная улыбка играла на его лице.

Он отвел бинокль и, щуря голубые глаза, кинул, обращаясь к вахтенному офицеру, мичману Лазунскому:

– У французов, верно, сегодня парусное ученье.

– И у нас будет, Владимир Николаич? – почтительно и весело спросил мичман.

– Конечно.

– Опять французы «опрохвостятся», Влади-

мир Николаич! – возбужденно проговорил мичман.

И его юное безбородое и жизнерадостное лицо светилось счастливой улыбкой победителя.

Но Ракитину, щепетильно оберегающему свое капитанское достоинство, вдруг показалось, что мичман фамильярен, вступая с капитаном в разговоры. И Ракитин оборвал мичмана, проговорив резким тоном:

– Сигнальщик пусть не спускает глаз с крюйс-брам-стенъги адмирала!

– Есть, смотрит! – мгновенно делаясь серьезным, отвечал мичман.

– И вы посматривайте. Не прозевайте сигнала.

– Есть! Не прозеваем! – еще серьезнее, тоном служебной аффектации, ответил несколько обиженный мичман.

И несмотря на то, что сигнальщик не спускал подозрной трубы с адмиральского корабля, мичман крикнул ему:

– Хорошенько смотри на адмирала!

«Зря кричишь!» – подумал сигнальщик и крикнул:

– Есть! Смотрю!

Капитан не сходил с мостика и то и дело взглядывал на флагманский корабль, по юту которого расхаживал невысокий худощавый адмирал, горбоносый, с седой эспаньолкой, в темно-синем длинном форменном сюртуке, с отложными воротничками белоснежной сорочки, необыкновенно любезный и вежливый старик орлеанист, хоть и служил при Наполеоне Третьем.

Ракитин нетерпеливо теребил бело-русую жидкую бакенбарду в ожидании торжества «Витязя». Еще бы! Не раз уже «Витязь» возбуждал профессиональную зависть и национальную досаду иностранных моряков и тешил самолюбие русского блестящего капитана.

Когда «Витязю» приходилось стоять в каком-нибудь рейде с французской или английской эскадрой, Ракитин, соблюдая любезность международного этикета, по сигналу иностранного адмирала делал на «Витязе» те же учения, какие делались и на чужих эскадрах. И большей частью русский корвет оставался победителем. Все на «Витязе» радовались. Да-

же доктор и батюшка торжествовали, что на корвете ставили и убирали паруса минутой или полминутой раньше французов или англичан.

— Сигнал! — крикнул во весь свой голос сигнальщик.

На крьюйс-брам-стенъге флагманского корабля «Terrible» взвились три комочка и у верхушки развернулись сигнальными флагами: «Поставить все паруса».

В ту же секунду на всех судах французской эскадры поднялись ответные сигналы, и среди тишины рейда раздались командные французские слова.

— Свистать всех наверх! Паруса ставить! — неестественно громко и взволнованно крикнул мичман, срываясь с голоса, которым старался напрасно басить.

Засвистали дудки. Прозвучали голоса боцманов и унтер-офицеров.

Словно испуганное стадо, бросились матросы к своим местам. Офицеры стремглав выбегали из кают-компаний и неслись к мачтам. Старший пожилой штурман рысцой побежал на мостик, а младший тем же аллюром пронесся за ним и взял в руки минутную склянку, чтобы усчитать время маневра.

Старший офицер «Витязя», Василий Леонтьевич, маленький, кругленький, толстенький и свежий, как огурец, лейтенант, лет за тридцать, уже взбежал на мостик и расставил свои короткие ноги, подавшись всем своим корпусом через поручни.

Все стихло.

– Марсовые к вантам! По марсам и по салингам! – громко, весело, задорно и точно грозя кому-то вызовом, скомандовал густым и сочным баритоном Василий Леонтьевич.

С этой командой он бросил взгляд быстрых и острых, как у мышат, карих глаз на «француза»: побежали ли там по вантам.

Нет еще! Слава богу!

А марсовые «Витязя» уже ринулись как бешеные по натянутым вантинам. Лишь мелькали голые пятки. Одни уже были на марсах, другие бежали выше – на салинги, когда французские матросы еще только добежали до марсов.

И шустрый живчик Волчок, как называли на баке Василия Леонтьевича, нетерпеливее и громче крикнул:

– По реям!

Белые рубахи разбежались по марса- и брам-реям, придерживаясь рукой за выстрелы (вроде перекладины поверх реи) для баланса, с такой смелой быстротой, словно бы они бежали по полу, а не по круглым поперечным деревьям – реям, которые своими серединами висели на страшной высоте над палубой, а ноками (концами) – над морем.

Матросы точно и не думали, что малейшая неосторожность – и сорвешься, чтобы разможжить голову о палубу или нырнуть с высоты в море и не вынырнуть на свет божий.

– Отдавай!.. Пошел шкоты! С марсов и са- лингов долой!

Голос старшего офицера звучал нервнее и нетерпеливее.

Капитан, не спускавший глаз с рей, едва сдерживался от нетерпения и самолюбивого волнения. Ему казалось, что вот-вот – и позор: «Витязь» не обгонит французов...

– Сколько минут? – вздрагивавшим голо- сом крикнул он.

– Две с половиной! – ответил младший штурман.

«И чего эти подлецы копаются!» – думал

Ракитин, словно бы забывая, с какою быстротой и с какою смелой удалью делали матросы свое трудное и опасное дело.

– Василий Леонтьич! Скоро ли?! – с упрёком воскликнул капитан.

Старший офицер пожал плечами.

– И без того люди рвутся! – ответил Василий Леонтьевич.

Еще минута, бесконечная минута...

И «Витязь» сверху донизу, и с боков и впереди по бугшприту, оделся парусиной и походил на гигантскую птицу с опущенными крыльями.

По-прежнему на корвете царила тишина.

Минуту спустя поставлены были парусы и на судах французской эскадры.

Но торжество капитана было неполное.

Он сердился. Самолюбие блестящего капитана было уязвлено.

Еще бы!

Сегодня на «Витязе» поставили не с обычной сказочной быстротой, приводившей в изумление моряков, а на сорок секунд позже, и «Витязь» опередил французов только на минуту.

– Прикажите команду во фронт, Василий Леонтьевич.

– Есть!

Через минуту матросы стояли во фронте.

Быстрой и решительной походкой, приподняв голову, подошел Ракитин к середине фронта. Все глаза были устремлены на капитана. В напряженных взглядах матросов была подавленность. Несколько секунд Ракитин молчал, остановив прищуренные серьезные глаза на одном матросе, стоявшем против него. И молодой марсовой еще больше и бессмысленнее выпячивал глаза на капитана.

– Не ожидал от вас, ребята! Подгадили сегодня. Копались! – проговорил капитан строго и торжественно-мрачно.

И матросы словно бы почувствовали себя виноватыми. Лица стали еще напряженнее. Эффект вполне удовлетворил капитана, и он, уж смягчая голос, продолжал:

– Смотри!.. Впредь не осрамитесь и меня не осрамите перед французами. Уверен... Вы ведь у меня молодцы...

– Рады стараться, вашескобродие! – облегченно и весело рявкнули матросы.

Капитан велел разойтись, успокоенный, что «молодцы» не осрамят его и ценят слова капитана.

Матросы считали Ракитина «молодчагой» по флотской части командиром.

Обрадованные «отдышкой» после прежнего капитана, типичного «мордобоя», с расточительностью наказывавшего людей линьками, матросы находили, что новый командир хоть и донимает службой и спешкой куда больше «мордобоя», но зато «добер». Дрался редко и «с рассудком», зря в штрафные не переводил «для всыпки», не очень уважал, чтобы офицеры занимались сильным «боем», и не взыскивал за пьянство на берегу.

Они, почти не знавшие отдыха и работавшие как бешеные, в самом деле поверили, что «подгадили» из-за сорока секунд и мало стараются, чтобы не осрамить капитана и не осрамиться перед «французом».

И старый боцман Терентьич, сам взвинченный словами капитана, возбужденно говорил на баке матросам:

– Ужо постарайтесь, черти! Не осрамите капитана перед французом, дьяволы! Другой по форме вышиб бы всем марсовым зубы, а

капитан – «молодцы, мол»! Небось при «мордобое» лупцевали бы ваши спины, и не была бы у меня цела морда, если бы он распалился за что-нибудь... Еще счастье, что за секунд не взыскивал...

Многие марсовые успокаивали боцмана.

– Не бойся, Терентьич. Постараемся!

– Строг на спешку, а добрым словом...

– Обнадежил, значит... Молодцы, мол.

– И не зудил... Не осрами – и шабаш.

– Покажем, братцы, как закрепим паруса.

– То-то покажем! – подхватили многие голоса.

И громче и возбужденнее прозвучал голос молодого, краснощекого и жизнерадостного марсового Никеева с большими ласковыми черными глазами.

IV

В то же время капитан говорил в своей каюте старшему офицеру:

– Надеюсь, Василий Леонтьич, мы утрем нос французам при уборке парусов... Не подгадим. Прикажете сигару?

– Благодарю... я папироску... Чем же подгадили, Владимир Николаич? Разве что на срок секунд позже закрепили... Невелико опоздание...

– Невелико, а могло его не быть, Василий Леонтьич... И не должно быть... У нас команда – молодцы! С ними можно и без порки... Умей только понимать психологию русского матроса... Я, слава богу, знаю его! – самоуверенно произнес Ракитин.

– Золотой народ! – горячо проговорил Василий Леонтьевич. И виновато прибавил: – Иногда и ударишь... привычка... Но если за дело – не обижаются.

– А все лучше бы господам офицерам полегче... Того и гляди еще в «Колокол» попадем... Неловко...

Шпилька была направлена в старшего

офицера.

Он понял, но ничего не сказал.

– Кто это мог сообщить про бывшего командира «Витязя»?.. Читали?

– Читал... А кто сообщил – и не думал.

– Пожалуй, младший механик Носов отличился. Тоже либерал этот сынок старшего писаря! – с презрительным высокомерием проговорил Ракитин. И, поморщившись, продолжал: – В кают-компании он проповедует глупости... Какой-то механик, а тоже... Вы, Василий Леонтьич, не очень-то позволяйте этому механишке... Мы на военном судне... Чтобы он и не думал заниматься обличительной литературой... Живо сплавлю! – прибавил капитан, с каким-то особенным удовольствием подчеркивая о своей власти «сплавить».

Василий Леонтьевич далеко не уважал этого «бесшабашного карьериста», каким считал Ракитина. Он возмущался и его требованиями какой-то сказочной быстроты, и его высокомерием, и хвастовством, что может офицера сплавить, и самомнением человека, воображающего, что он один сделал «Витязь» таким образцовым судном, и пролазничеством,

и нахальством...

«Ишь задается хлыщ! И мне еще ни за что делает выговоры!» – подумал старший офицер. Он вспыхнул и, сдерживая себя суровой школой дисциплины, официально-сухо ответил:

– Андрей Петрович Носов, – нарочно назвал старший офицер механика по имени и отчеству, – не говорил в кают-компании возбуждательных речей, за которые я был бы вправе его остановить. А что он говорит в своей каюте или на берегу, до этого мне нет дела. Я старший офицер, а не сыщик-с! И если вам угодно не позволить ему писать, коли Андрей Петрович пишет, то извольте ему приказать или прикажите мне передать ваше приказание...

Блестящий капитан дорожил Василием Леонтьевичем, как отличным старшим офицером, понял свою бестактность перед ним и в первое мгновение был огорошен словами Василия Леонтьевича, казалось недалекого и покладливого служаки.

Тем было досаднее Ракитину, что он не смел оборвать старшего офицера, который

так настойчиво противоречил капитану и отказался исполнить его приказание, выраженное в форме совета.

И Василий Леонтьевич, видимо не желавший сближения с Ракитиным с первого же дня его командирства, вызывал в капитане теперь злобное чувство мелкой самолюбивой душонки.

Струсивший служебного разрыва, Ракитин и не показал вида неудовольствия. Напротив, словно бы удивленный, он самым любезным товарищеским тоном, желая очаровать старшего офицера, проговорил:

– Да что вы, Василий Леонтьич?.. Извините, если я вас без намерения обидел.. Я и не думал делать вам замечания... И не имею повода... На днях слышал с мостика через открытый люк кают-компании слова механика, и мне показалось... Вас, верно, не было... Я ведь знаю, что вы не допустите чего-нибудь предосудительного... Точно я не знаю, какой вы идеальный старший офицер и незаменимый помощник, Василий Леонтьич!

«Экий подлец! Без всяких правил», – подумал Василий Леонтьевич.

И, сам честный человек, имевший правила, от которых не отступал, он смягчился от комплиментов и извинения блестящего капитана.

– Я в частном разговоре, по-товарищески, высказал вам, Василий Леонтьич, – говорил капитан еще мягче и вкрадчивее, – свое мнение о механике.

Пустив душистым дымком хорошей гаваны, продолжал:

– Между нами говоря, не люблю я штурманов, механиков и артиллеристов... Порядочные таки хамы...

И сколько презрения к этим париям флота было в тоне Ракитина и сколько уверенности, что старший офицер вполне с ним согласен!

Хотя и Василий Леонтьевич не был лишен кастового предрассудка, но далеко не был таким ненавистником офицеров корпусов, как Ракитин.

И старший офицер сказал:

– Наши штурмана, механики и артиллерист достойные офицеры, Владимир Николаич!

– Еще бы были у меня лодыри!..

– И вполне порядочные люди... А если не особенно показные... не светские... Так ведь это, я думаю, не порок, Владимир Николаич! – проговорил Василий Леонтьевич.

– Очень рад слышать такой отзыв... Значит, наши... приятное исключение...

Наступило молчание.

Старший офицер поднялся с кресла и спросил:

– Я вам больше не нужен, Владимир Николаич?

– Нет, Василий Леонтьич...

Когда Василий Леонтьевич вышел из каюты, Ракитин ненавидел своего старшего офицера.

На флагманском корабле поднят был сигнал: «Убрать паруса».

Матросы «Витязя» превзошли ожидания даже Ракитина.

Они уже кончали крепить марселя и брамселя, когда французские матросы еще только расходились по реям.

– Экие бабы! – произнес с веселой улыбкой капитан и стал смотреть на реи «Витязя».

Марсовые точно волшебством забирали мякоть подобранных парусов марселей и связывали их сезнями (бечевами), упираясь ногами на перты – веревки, протянутые вдоль рей.

Обещавшие не «осрамить» капитана, марсовые с возбужденными, вспотевшими и покрасневшими лицами торопились, словно обезумевшие, для которых мгновение – сокровище. Казалось, в эти секунды они не знали чувства самосохранения и забыли, что тонкие веревочные перты, качавшиеся от движения сильных и цепких ног, были опасной опорой, требующей осторожности и владения

нервами.

А восхищенный капитан, предчувствовавший торжество победы, только любовался, как бешено рвутся и «идеально» крепят марсея «молодцы», покачивающиеся на высоте рей.

Старший офицер, напротив, взволнованный, с тревогой смотрел наверх. Бешеная торопливость марсовых возбуждала опасения, и совесть его была неспокойна. И он взволнованно крикнул:

– Марсовые! Осторожнее! Крепче держись, братцы!

Ракитин метнул на старшего офицера злой взгляд и насмешливо кинул ему:

– Марсовые не бабы, Василий Леонтьич!

– Люди, Владимир Николаич! – значительно и возбужденно ответил он.

– Знаю-с, что люди! – надменно сказал капитан, краснея от негодования, что его учат.

И только что он это сказал, как перед его глазами с грот-марса-реи сорвался человек.

Что-то белое ударилось о ванты, отбросилось вбок и звучно шлепнулось о палубу.

Ни крика, ни стона.

Работавшие на шканцах матросы ахнули и отвернулись от недвижимого человека, вокруг которого палуба окрасилась кровью.

Голова была размозжена, но красивое молодое лицо марсового Никеева уцелело. Большие черные глаза выкатились, померкнувшие в застывшем взгляде ужаса.

Многие торопливо перекрестились.

Грот-марсовые невольно взглянули вниз и снова стали вязать сезни.

Безумный пыл исчез. Явилось вдруг чувство самосохранения.

– В лазарет человека! – скомандовал старший офицер.

Голос его дрогнул. Василий Леонтьевич не смотрел на убитого.

Боцман Никитич уже прикрыл размозженную голову, и двое шканечных отнесли Никеева вниз. Матросы отводили глаза от убитого, крестились и снова трекали снасти. Офицеры поторапливали. Прибежал бледный и испуганный судовой врач. Какой-то старый баковый матрос, забулдыга и пьяница Кобчиков, крепивший кливер, промолвил вполголоса:

– Тоже спешка. Вот и спешка!

– Молчать! – окрикнул первый лейтенант, распорядившись на баке.

Работы горели.

– Марсовые с марсов и салингов долой! – скомандовал Василий Леонтьевич.

В его команде не было прежнего возбуждения. Убитый не выходил из его головы.

«Витязь» был победителем.

Еще на французской эскадре не были убраны паруса, а «Витязь» красовался с оголенными мачтами. Снасти были убраны.

Несмотря на торжество русского корвета, на палубе стояла зловещая тишина только что бывшего несчастья.

Потрясенные матросы притихли и угрюмо молчали, стоя у своих снастей.

Только забулдыга Кобчиков тихо говорил с иронической ноткой в сиплом пропитом голосе двум товарищам:

– А вы рвись, такие-сякие... Подыхай из-за секунда!.. Зато молодцы! А ему начхать, что Егорка расшибся... Ты погляди, что ему... Это не Волчок... У того душа!

Действительно, блестящий капитан был под впечатлением торжества.

Напрасно он старался принять озабоченный вид. В его еще торжествующем лице было лишь выражение досады, когда он произнес, обращаясь к старшему офицеру:

– Экий неосторожный матрос...

И, не получив ответа, спросил:

– Кто сорвался, Василий Леонтьич?

– Егор Никеев... Уже второе несчастье в течение месяца! – взволнованно-сердито проговорил старший офицер...

И скомандовал:

– Подвахтенные вниз!

Капитан, раздраженный и еще выше поднявший голову, ушел в каюту.

Разговаривая между собой, офицеры спустились в кают-компанию.

Мичман Лазунский вскочил на мостик, вступая на вахту.

Расстроенный и грустный, словно бы желая поделиться с кем-нибудь тяжелым настроением, он сказал старшему офицеру:

– И если бы вы знали, Василий Леонтьич, какой был славный Никеев!

– Знаю. Всякого было бы жаль. Человек! – раздумчиво и серьезно промолвил Василий

Леонтьевич.

– Еще бы... Конечно, всякого, Василий Леонтьич...

И, мгновенно вспыхивая, чуть не со слезами в голосе, точно боялся, что Василий Леонтьевич может дурно подумать о мичмане, Лазунский торопливо и застенчиво прибавил:

– Вы не подумайте обо мне, Василий Леонтьич, будто я...

– Что вы, что вы, Борис Алексеич?.. Я думаю... я уверен, что вы славный юный мичман... Таким и останьтесь, когда будете капитаном! – ласково сказал Василий Леонтьевич... И уходя, прибавил: – Панихида будет в одиннадцать... Дайте знать капитану в одиннадцать... И половину вахтенных отпустите вниз...

– Есть, Василий Леонтьич! – ответил мичман.

А глаза его говорили:

«И какой добрый этот Василий Леонтьевич».

VI

Через полчаса старший офицер прошел в лазарет. У двери стояла толпа, ожидая очереди. В маленькой каюте лазарета толпились матросы, пришедшие взглянуть на покойника и, перекрестившись, поцеловать его лоб.

Уже обмытый и одетый в чистые штаны и рубаху, с парусинными башмаками, он лежал на койке. Голова покоилась на подушках. Глаза были закрыты, и уже мертвенно пожелтевшее лицо казалось спокойным, с тем выражением какого-то важного недоумения, которое часто бывает у покойников. Образной читал псалтырь.

Василий Леонтьевич постоял минуту-другую, не спуская глаз с покойника, потом перекрестился, поклонился ему и вышел, испытывая тяжелое чувство виноватости.

– Послать ко мне в каюту боцмана! – приказал вестовому Василий Леонтьевич.

Через минуту Никитич вошел в каюту старшего офицера.

Василий Леонтьевич велел покойника перенести в палубу перед образом и сказал, что

панихиды будут два раза в день, а через день его похоронят на французском кладбище.

– Чтобы взвод провожал, и может идти на похороны кто пожелает.

– Есть, ваше благородие...

– Да вот еще что, Кириллов... Узнай, из какой деревни покойный Никеев и живы ли у него родители?..

– Никого у его в живых, ваше благородие...

– Так, может, близкие кто у него на родине?..

– Точно так, ваше благородие, и по той причине дозвольте разрешить...

– Что?

– Собственные вещи Никеева отправить на родину. Покойник беспрерывно наказывал своему земляку Иванову... Ежели, говорит, случаем расшибусь, отпиши в Кронштадт и без промедления отправь вещи...

– Хорошо. Я отправлю. А какие вещи?..

– По малости бабьи гостинцы, ваше благородие! На платье штучка, два колечка, платок и сорок франков... Покойный не занимался вином, ваше благородие.

– Ладно. Принеси мне. И адрес дай.

– Очень благодарны, ваше благородие... Душевный был матросик... Простой. Вся команда жалеет... Горяч был на работе. Из-за горячности и сорвался. Хвастал не осрамить капитана. И не осрамил, ваше благородие!

– А кому же послать?.. Кто она?..

– В законный брак с ей собирался, ваше благородие, как «Витязь» вернется. Той самой невесте и копил гостинцы. Пригвоздила, значит, покойного Егорку эта вроде не то, с позволения сказать, вроде девицы, матросская дочка. И сама пригвоздимшись... Три года с им зналась, как мужняя жена... И часто отписывала ему... Только и была близкая ему.

– А отчего Никеев, такой молодец, думал, что убьется?..

– Так, зря болтал, а вышло быдто чуял судьбу, ваше благородие... Азартный был сердцем. А капитан еще давеча приказывал не подгадить... И лестно так... Никеев и распалился... И дозвольте, ваше благородие, еще доложить...

– Что?.. Говори!

– Очень эта спешка самая может извести команду... Так попросили бы командира... Он

добер... Даст ослабку, ваше благородие...

Василий Леонтьевич сморщился и обещал поговорить.

После похорон матроса старший офицер осторожно поговорил с капитаном... и разговор кончился тем, что Василий Леонтьевич на другой же день списался с корвета и уехал в Россию.

1900

Примечания

[^^^]